

Лучшие романы
об уголовном розыске

НИКОЛАЙ ЛЕОЖОВ

Мент
поганый

ЭКСМО

Гуров

Николай Леонов

Мент поганый

«ЭКСМО»

1991

Леонов Н. И.

Мент поганый / Н. И. Леонов — «Эксмо», 1991 — (Гуров)

Полковник Гуров давно понял, что сыщик – это не профессия, а образ жизни. Именно поэтому только он способен добраться до банка данных преступного мира, именно поэтому мощная мафиозная группировка, не стесняясь в средствах, пытается заставить его работать на себя...

© Леонов Н. И., 1991

© Эксмо, 1991

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Леонов

Мент поганый

Пролог

Когда сыщик пришел в сознание, то увидел кругленького человечка, который расхаживал рядом с кроватью, размахивая короткими ручонками, и быстро говорил:

– Хватит, достаточно, молодой человек! Вы должны отлично себя чувствовать! Ну, «отлично», может быть, сильно сказано, несколько смахивает на старческий бред, как-никак вам прострелили грудь. Приятного тут, конечно, мало, но...

Доктор увидел, что Гуров открыл глаза и смотрит осмысленно, подхватил полы халата, уселся на табуретку рядом с кроватью, взял руку сыщика, проверил пульс.

– Здравствуй, Левушка! Напугал ты меня, старика. Я, как понимаешь, доктор. Ты глаза закрой и слушай. Ты, как выражается моя внучка, выиграл миллион по трамвайному билету. Ты выиграл больше – жизнь. Если бы меня, профессионала, очень попросили изыскать возможность так проткнуть человека, чтобы не задеть ни один жизненно важный орган, я бы такой задачи не решил. Известно, пуля дура, она проскочила сквозь тебя очень хитро. Я глазам своим не поверил. Но, по моему разумению, ты должен был прийти в себя два дня назад, а ты, голубчик, лежишь, посапываешь и где-то в потустороннем мире обретаешься. Я и испугался до мурашек: думаю, просмотрел старый, угробил мальчика в расцвете сил...

Голос начал стихать, удаляться, совсем пропал, и Гуров поплыл в забытье, в туман, лишь на мгновение увидел направленный в него черный ствол пистолета.

Гуров не спал и не бодрствовал, дремал, наслаждался покоем, вспоминал, слушал врачей и жену, которые приходили и уходили, разговаривали между собой, обращались к нему, и тогда он открывал глаза, отвечал улыбкой и вновь уходил в свой мир. Лишь однажды, когда жену в первый раз пустили к нему, он посмотрел на нее долго и отдельно произнес:

– Все в норме, не волнуйся, – и, закрыв глаза, добавил: – Мне хорошо.

Когда он не двигался, то боли почти не чувствовал, при перевязках приходилось терпеть. Но уж если чему и научился подполковник Гуров за долгие годы работы в угро, так это ждать и терпеть. И он лежал, наслаждался покоем, отгородился от родных, начальников и товарищей по работе, которые приходили ежедневно, садились рядом и рассказывали бог знает что: о личной жизни, о футболе-хоккее, новых фильмах, только не о работе и политике. Так велели врачи. Они были уверены, что молчание и сонливость пациента вызваны не ранением, а общим нервным истощением, а в этом случае требуются положительные эмоции.

На четвертый день явилась Ольга, младшая сестра жены, и с присущей юности прямоотой все ему выложила.

– Мы все вместе тебя замордовали, – заявила она в конце своего монолога. – Ты абсолютно прав, что не разговариваешь с нами, валяйся, приходи в себя. Положительные эмоции для слабаков. Если хочешь, я сяду в коридоре у двери и вообще никого не пушу: ни профессор, ни генералов, ни нашей очаровательной родственницы. Пошли они все к чертовой матери! Захочешь кого видеть, свистнешь, я позову. Договорились?

– Желтый цвет не люблю, ты эту кофточку больше не надевай, – ответил невпопад Гуров. – А теперь убирайся, устал, приходи завтра.

Ольга чмокнула его в нос, выскочила из палаты, и из-за двери донесся призывный клич команчей.

Отец приехал к Гурову уже в санаторий. Генерал-полковник последние годы служил за границей. Когда началось сокращение вооружений и вывод советских войск из стран приказавшего долго жить социалистического содружества, генерала «ушли» на пенсию.

Весна уже набрала силу, парк ярко зеленел, отец с сыном молча прогуливались по песчаным дорожкам. Они так долго не виделись, и столько у обоих накопилось невысказанного, что слова сейчас не шли с языка. Они лишь изредка взглядывали друг на друга и молча шли дальше.

– Мы с матерью из Москвы уезжаем, – заговорил отец. – Квартиру свою генеральскую я сдаю, тебе дадут другую. Женщины мебель для вас отобрали, часть я возьму на юг в свой семейный особняк. Мне писали, что там ни крыши, ни пола, но командующий округом обещал помочь.

– Ты поосторожнее, – предостерег Гуров. – Никто потом и не вспомнит, что ты в Москве квартиру сдал, и станешь героем фельетона.

– Я газеты читаю, – сухо ответил генерал. – Сегодня мое звание сродни матерной ругани. Жена – доктор наук, сын – мент поганый, так что имею полный букет. Меня уже ничем не удивишь, я видел все, выживу. Мне врачи о тебе говорили, не одобряю, мужик имеет право на полный отдых и беспробудный сон только по дороге в крематорий. Отсюда выпишешься, возьмешь отпуск и приезжай с семьей ко мне, будем отстраиваться, считай, что это приказ.

Генерал остановился, взял сына за плечи, почувствовал в них силу, одобрительно кивнул, провел пальцем по седому виску Гурова и сказал:

– Жизнь.

Когда, отбыв положенное, Гуров выписался из санатория и приехал в управление, то выяснил, что ему присвоено внеочередное звание полковника, а с завтрашнего дня он находится в отпуске. Гуров прошелся по кабинетам отдела. Ни непосредственного начальника – полковника Орлова, ни генерала Турилина в управлении не оказалось – проходил очередной съезд, и все находились на передовой.

Полученную вместо отцовской новую двухкомнатную малогабаритную квартиру с крохотной кухней Гуров оглядел равнодушно. Рита с Ольгой перебрались в квартиру своих родителей, которые давно расстались, а теперь совсем разъехались.

– Ты здоров, милый, я не бросаю тебя, мне просто тоже надо отдохнуть, – сказала жена. Гуров согласно кивнул, понял, что это начало конца его семейной жизни, и остался один.

Глава первая

Полковник Гуров прогуливался по аллеям парка и думал о том, что, вполне возможно, если его соображения правильны, в этом тихом местечке вскоре зазвучат выстрелы и прольется кровь. Но так же вполне вероятно и то, что разумные логические построения сыщика окажутся ошибочными и ничего не произойдет, а значит, полковник приехал зря и ждет у моря погоды.

Истекал сентябрь, в кронах деревьев появилась желтизна, и под ногами шуршали первые опавшие листья. В молодости Гуров был равнодушен к природе, а в сорок – не то чтобы воспылал, но стал как-то внимательнее к ней приглядываться и принюхиваться, отличать деревья друг от друга, и не только березу от ели. Сейчас он гулял по территории дома отдыха, «для других закрытого», прикидывал, легко ли перемахнуть через солидный забор, покусывал дубовый лист и непроизвольно вспоминал прошлое, старался не думать о настоящем, остерегался заглядывать в будущее.

Последнее время у Гурова по-настоящему серьезных розыскных дел не было. Товарищи, как говорится, пахали по-черному, а он, еще вчера знаменитый сыщик, восстанавливался после ранения, болтался по генеральским кабинетам, решал вопросы семьи, которая распалась, и быта, который, как у каждого человека не номенклатурного, не желал налаживаться.

Рита с Ольгой по-прежнему жили в квартире своих родителей. Сначала Ольга разлуку с «несравненным» Гуровым переживала: забегала к нему ежедневно, затем каждую неделю. Прошло время, девушка заневестилась, у нее появилась личная жизнь, и разговоры по душам иссякли, становились в тягость.

С женой у Гурова было несколько встреч, в прошлом году они даже прожили вместе неделю в захолустном подмосковном доме отдыха и убедились, что восстанавливать нечего, это, как выражаются юристы, попытка с негодными средствами, что в переводе на общечеловеческий язык означает стрельбу из незаряженного ружья.

Рита вела себя всю неделю как человек вполне цивилизованный, но, расставаясь, вдруг вспомнила, что она женщина, и спросила:

– Гуров, ты хотя бы понимаешь, кто во всем виноват?

– Конечно, – ответил он. – А какое это имеет значение? – И пожал плечами.

Затем он выслушал речь, подобные до него доносились с экрана телевизора, их произносили парламентарии разных уровней. Гуров в депутатском корпусе не состоял, слушал спокойно, ногами не топал, руками не хлопал, чем довел оратора до естественной реакции – жена заплакала. Он, презирая себя, обнял недавно любимую женщину, произнес затертые слова о милосердии, ее молодости, о светлом будущем, помог упаковать чемодан и облегченно вздохнул, когда Рита уехала. Вечером он заплатил немислимые деньги за две бутылки водки. Последним воспоминанием о знаменательном дне остался какой-то ушастый слюнявый мужичонка, упрямо убеждавший Гурова, что в семье не без уроды, и вот, смотри, как получается, хоть и паршивый интеллигент, а тоже оказался человеком. В общем, покорешались.

Родители восстановили, точнее, построили заново дом, расположенный в станице Красное под Херсоном. Гуров писал им регулярно, не лгал, в ближайшее время приехать не обещал. Однажды отец прилетел в Москву, в министерство, дооформлял документы. Встреча прошла в дружественной, немного прохладной обстановке.

И хотя Гуров чувствовал себя вполне прилично, врачи время от времени приглашали его на обследование и настойчиво рекомендовали бег трусцой и легкую гимнастику. Сначала Гуров бегал неохотно, преодолевая себя, затем втянулся. В тренажерном зале он бывал и до ранения, но теперь, когда времени стало больше, увлекся и начал «качаться» всерьез. Рядом тренировались молодые здоровые парни, он почувствовал азарт соревнования, увеличивал нагрузку и за несколько месяцев оброс солидной мускулатурой, плечи раздались, налилась спина, а ноги

у него были длинные и талия тонкая от рождения. Гуров посмеивался над собой, но занятия занимали много времени, отвлекали от невеселого бытия, да и чувствовать себя сильным и ловким доставляло удовольствие. С год назад он начал заниматься в секции восточных единоборств и, к немалому удивлению тренера, не бросил тренироваться через неделю, приходил регулярно и добился определенных успехов.

А вот на работе у него все развалилось. Сменилось высшее руководство, полковнику Орлову дали генерала и перевели в министерство начальником управления, генерал Турилин вышел на пенсию. Гуров работал с ними больше пятнадцати лет и не понимал, что постоянно находился под их опекой, скорее защитой. Как большинство талантливых людей, он был плохим дипломатом, в личных отношениях человеком открытым и прямолинейным. Он искренне верил, что большинство коллег относятся к нему если и не превосходно, то уж наверняка уважительно, а о наличии недоброжелателей, завистников задумываться сыщику было недосуг.

Когда друзья-руководители ушли, Гуров словно заново родился и походил на человека, которого долго держали в изоляции от бытовых неурядиц и неожиданно вытолкнули в недоброжелательный мир, полный недомолвок, подтекстов, интриг и фальшивых улыбок. Зависть завистью, но после ухода Орлова никто из оперсостава не сомневался, что назначение Гурова на должность начальника отдела – дело решенное и приказ последует незамедлительно. Жизнь показала, что розыскники – обыкновенные люди, которым свойственно ошибаться.

Как известно, «кадры решают все»: полковника Гурова пригласили в соответствующий кабинет управления кадров. Сверкая улыбкой и подполковничьими погонами, которые ему выдали за неуклонную преданность проводимой линии, вчерашний комсомольский вожак вышел из-за стола и долго жал руку Гурова теплыми мягкими ладошками. Вожака предупредили, чтобы он с Гуровым обращался осторожнее, но лишь раззадорили добра молодца. До милиции он руководил спортом, считал, что закалился в боях с чемпионами мира и Олимпийских игр, а уж милиционера обыграть – задача детская. Интересно, что себя свежеиспеченный подполковник милиционером не считал, а расценивал свое назначение как вынужденный уход с передовой в резерв главного командования. Время все лечит и расставляет по своим местам, прозвучит команда, и тогда посмотрим, кто есть кто, рассчитаемся. А может быть, он и не так уж глуп, выкормленный и обученный партией комсомольский вожак? Возможно, и так. Однако приглашать к себе полковника Гурова вожаку не следовало.

Сыщику не потребовалось гадать, что за человек перед ним, кто жмет его руку и предлагает чувствовать себя как дома. Полковник лишь скользнул взглядом по хозяину кабинета и почувствовал противный привкус, словно откусил несъедобное. Он сел в кресло для гостей, посмотрел кадровику в глаза и молча кивнул.

– Рад познакомиться со знаменитым сыщиком. Как здоровье, Лев Иванович? Да, забыл представиться: меня зовут Виктор Михайлович Силаев. – Подполковник старательно улыбнулся, словно сообщил радостное известие.

– Очень приятно. – Гуров вновь кивнул, и не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы по всему его виду понять, как полковник относится к хозяину этого кабинета.

– Кадровые перестановки, сумятица... – Подполковник развел руками и попытался пошутить: – Все смешалось в доме Облонских.

Гуров посмотрел на часы, выражение на его лице было как на посмертной фотографии.

– Действительно, смешалось, – опередил Гуров собравшегося было произнести речь кадровика. – А вы к нам какими судьбами?

– Речь не обо мне, а о вас, товарищ полковник, – любезная улыбка соскочила с лица Силаева. – С одной стороны, вас надо назначать начальником отдела, с другой...

– Данный вопрос не в вашей компетенции. – Гуров встал. – Что-нибудь еще?

– Нам вместе работать, Лев Иванович.

– Это вряд ли, – перебил Гуров и пошел к двери.

– Минуточку, товарищ полковник, – Силаев вышел из-за стола. – Надеюсь, вы понимаете, что я пригласил вас не по личной инициативе, а выполняю приказ. Вы должны трезво оценить ситуацию. Перестройка не временная кампания, с групповщиной покончено раз и навсегда. И заскоки гения никому больше прощаться не будут...

Гуров посмотрел на подполковника внимательно, с любопытством, словно увидел нечто диковинное, ранее неизвестное, вздохнул и, пробормотав: «Боже мой, боже мой...», вышел из кабинета.

На следующий день Гурову позвонил Орлов, после дежурных вопросов о здоровье перешел к делу:

– Дураки были, есть и будут, и в твоём возрасте, Лев Иванович, сердиться на них, мягко выражаясь, неразумно. Держать тебя на прежней должности – все равно что быть без штанов, но в шляпе. Я знаю, сколько ты стоишь, хочу использовать на максимум, однако пока не получается. Ты чего молчишь?

– Пытаюсь определить свою стоимость и в какой валюте. Если оценивать в советских рублях...

– Лева, кончай, – перебил Орлов. – Так, сегодня четверг, пятница... суббота... Позвони мне домой в воскресенье утром. Ты ко мне подъедешь или я к тебе, решим. Надо спокойно поговорить.

– У меня только кофе, чай, кажется, кончился, – ответил Гуров. – Так что давай на твоей территории. Все-таки ты генерал, у тебя паек...

– Я бы тебе сказал, что у меня, – вспылил генерал. – Все, заболтались. В воскресенье звони и подъезжай.

И через некоторое время Гуров перешел с Петровки в министерство старшим оперуполномоченным по особо важным делам Управления по борьбе с организованной преступностью. С альма-матер он расстался без цветов и напутственных речей, люди жили так трудно, неустойчиво и тревожно, что каждый замкнулся на себя, интерес к ближнему истончился до предела, жизненные ценности перемешались до смешного. Так, задержание особо опасного преступника и добыча нескольких килограммов чего-то съестного расценивались человеком как победа почти равнозначная. И была бы такая жизнь смешной до слез, если бы не опустошала, не озлобляла и не превращала бы человека в существо циничное и равнодушное. Телевидение и газеты сообщали о съездах и сессиях, которые с завидным постоянством, словно времена года, сменяли одна другую. Журналисты и писатели наперегонки с восторгом разоблачали сотрудников МВД и КГБ, которые сплошь оказались подлецами и преступниками: убийцами, в лучшем случае взяточниками. А ведь еще вчера бесстрашные сыщики и чекисты сомкнутым строем маршировали по страницам книг и газет, верные ленинцы и дзержинцы, рыцари без страха и упрека, с экранов телевизоров смотрели мудро и устало и лишь фактом своего присутствия гарантировали советскому человеку сытую жизнь и спокойствие.

Читая очередное разоблачение, Гуров порой приходил в бешенство. Раз настало время говорить только правду и расставить все точки над «i», то каждый должен начинать с себя, а не напяливать на плечи белоснежную мантию и тыкать в грешников безупречным указующим перстом. Порой раздраженного сыщика подмывало проделать простенький эксперимент. Выбрать парочку из особо злоязычных и изобличающих, поднять их статьи и книги десятилетней давности и процитировать зарвавшихся «классиков». Опубликовать избранные куски без комментариев и закончить статью примерно так: не честь мундира защищаю, честь – она либо есть, либо ее нет, и в защите она не нуждается. Но уж если призываем к всеобщему покаянию, то начнем с людей, которые стоят на судебных трибунах. Пусть покажут пример, расскажут о себе, а не кричат, срывая голос: «Ату их! Ату!»

В застойные времена Гуров всегда избегал говорить, где работает, представлялся как юрист, жаловался на засилие бумаг и рутинность служебного бытия. Но вскоре все равно узна-

валось, что он сыщик угро, и люди в большинстве своем смотрели на него либо с уважением, либо настороженно. Сегодня его профессия в основном вызывала насмешку, брезгливую улыбку, рассказы о творящихся беззакониях, полной некомпетентности и беспомощности правоохранительных органов.

Гуров никогда не был рубахой-парнем, заводилой и душой общества, а сегодня, без семьи и друзей, стал еще суше и официальнее с начальством, держал на дистанции подчиненных, с новыми людьми старался не знакомиться, а если судьба с кем и сводила, то не сближался и лишь изредка встречался с Денисом Сергачевым и его коллегами по спорту.

Жизнь полковника Гурова можно было назвать монашеской: служба, служба и самоусовершенствование. С той лишь разницей, что монастырские молились и общались с богом, а сыщик в свободное время ходил в спортзал, таскал железо, бегал, прыгал, нападал и защищался. Когда Гурова еще звали по имени и он делал первые шажки на милицейском поприще, среди уголовников существовал железный закон: человека без крайней нужды не убивать, на опера вообще руки не поднимать, у каждого своя работа – я ворую, он ловит, – мы уважаем друг друга. Исключение составляли шедшие по расстрельным статьям да бытовики, вконец опалевшие от водки, а она тогда еще продавалась в магазинах. И то последние практически опасности не представляли: махнет вяло железкой либо бутылкой и свалится в изнеможении. Сегодня жизнь изменилась кардинально. Вместе с коммунистическими идеалами и верой в социализм с человеческим лицом сами собой отпали и другие, менее значительные заповеди. Если хочешь – убей, не обязательно из корысти или с пользой для себя, можно от скуки, а ежели мент ошалел и за руку тебя взял, такого необходимо пришить на месте, чтобы другим неповадно было. Гуров лейтенантом слыл человеком осторожным и предусмотрительным, а уж прослужив в розыске без малого двадцать лет и став полковником, всегда стремился свести риск до минимума. А в сегодняшней ситуации, когда поведение противника практически не просчитывалось и даже не предугадывалось, он, перефразировав известное изречение, решил перековать орала на мечи и все свободное время вкалывал в спортзале. Пиджак он теперь не надевал, а натягивал, боялся порвать, ведь купить сейчас новый невозможно, верхнюю пуговицу на рубашках переставил в самый край, а чаще не застегивал, воротничок подпирал галстуком. Ладони полковника стали сначала шершавыми, а затем задубели, мозоли на ладони под пальцами приходилось отпаривать и сдирать пемзой.

Как ни мучил себя Гуров на тренировках, как ни оглушал в тире, а прервать мыслительный процесс все-таки не удавалось, он постоянно вспоминал о родителях и жене. Почему-то все время всплывали ситуации, в которых он, Лев Гуров, был не прав, а порой и виноват, оказывался невнимательным, черствым, хамоватым. «Да что же это такое! – возмущался он. – Неужели я ничего хорошего в своей жизни не сделал? Не может такого быть!» Однако вспоминались только грубости и пакости. Хотелось позвонить маме и отцу, сказать, что любит, затем купить роскошные цветы и пригласить Риту в ресторан и весь вечер танцевать и украдкой целовать в висок.

Но у родителей в доме не было телефона, а когда маме удавалось застать Гурова дома, полковник говорил междометиями, вздыхал и обещал писать чаще. К Рите он раз или два в месяц навещался, но ни в театр, ни в ресторан не приглашал, а оставлял в прихожей сумки с продуктами, которые добывали более современные и энергичные коллеги, спрашивал, не нужно ли чего, передавал постоянно отсутствующей Ольге привет и ретировался. Позже, сидя в разваливающемся «жигуленке», сыщик бормотал какие-то слова, но до слуха жены они, конечно, не доходили.

Полковник Гуров гулял по парку и вместо того, чтобы готовиться к предстоящей операции, просчитывать возможные варианты, почему-то прикидывал, сколько здесь соток. Сегодня даже закоренелые урбанисты начали интересоваться землей. Он был в этих вопросах полным профаном, начал было отсчитывать шаги, умножать, вскоре запутался и решил, что террито-

рия заповедного комплекса примерно равна гектару. К такому выводу он пришел не благодаря математике, а просто ему нравилось слово «гектар». Забравшись в дальний угол своего гектара, Гуров убедился, что никто его не видит, снял плащ и пиджак и, стараясь не особо мять брюки, занялся гимнастикой. Выполняя утомительные упражнения, он не считал, как это делают обычно спортсмены, а читал стихи, отдавая предпочтение Пушкину, и не оттого, что любил его больше других, а просто наизусть знал лучше. И так, начиная приседать, сыщик объявлял:

– Песнь о вещем Олеге.

Слегка приустав и отдышавшись, Лев Иванович продолжил изучение территории дома отдыха. Метрах в пятидесяти от главного корпуса было расположено одноэтажное светлого кирпича здание. Гуров зашел в полуоткрытые раздвижные ворота и оказался в прекрасно оборудованном гараже. Площадка была рассчитана на три машины, здесь же ремонтная яма, подъемник, за ними виднелись длинный оцинкованный стол, станки. На яме стоял сверкающий «Мерседес-290».

– День добрый! – громко сказал Гуров.

– Добрый, – ответили из-под машины, и из ямы вылез мужчина в аккуратнейшем, чистеньком комбинезоне, какие порой можно видеть в зарубежных фильмах.

Механик был немолод, лет пятидесяти, строен и худощав, с седыми волосами и бледным интеллигентным лицом.

– Здравствуйте, – он вытирал руки ветошью, смотрел доброжелательно. – Какие проблемы?

– Пустяки, – ответил Гуров, взглянув на сверкающие туфли, затем на белоснежную рубашку механика. – Хочу поменять роскошные восьмилетние «Жигули» на вашу развалюху.

– Можно обсудить. А доплату потребуете в валюте или согласитесь на рубли?

Механик придирчиво осмотрел свою белую ладонь, убедился, что она чистая, протянул руку, представился:

– Романов, Александр Сергеевич. Местный механик и прислуга за все.

– Гуров. Лев Иванович. Отдыхающий.

Они пожали руки и не понравились друг другу с первого взгляда.

Фамилия императора, имя и отчество – великого поэта, руки – карточного шулера, а взгляд – завязавшего алкоголика, думал Гуров.

Сын, племянник, скорее всего, зять. Плащ и костюм из Германии, туфли финские или шведские, определил Романов. И угадал: Гуров был одет в вещи, привезенные отцом. Тренажеры, сауна, массажисты, минимум спиртного. В общем, номенклатура последнего разлива, закончил свои размышления Романов и сказал:

– Очень приятно.

– Очень приятно, – кивнул Гуров, достал из одного кармана фляжку с коньяком, а из другого – два бумажных стаканчика.

Не спрашивая согласия, он сунул стаканчик в руку механика, разлил коньяк.

– Со знакомством, Александр Сергеевич.

Романов взглянул на часы, время для коньяка было неподходящее, но пожал плечами и выпил. «Я ошибся, – думал Романов, – парень не родственник и не функционер, слишком свободен и развязен. Журналист».

Фляжка, стаканчики и темп были фирменным номером Гурова. Человек, прилюдно выпивающий с утра, да еще с первым встречным, не воспринимается всерьез. Хотя такая домашняя заготовка для данного индивида может оказаться и грубоватой.

– Давно прописались в этой дыре? – спросил Гуров.

– Послезавтра третий день.

– Вернулись из-за бугра спасать перестройку?

– Сейчас каждый солдат должен вернуться в строй.

– Как машинный парк в ООН? Безуспешно пытаются достать наши двадцатьчетверки?

– У богатых свои причуды.

Гуров разлил остатки коньяка, спрятал серебряную фляжку, кивнул на «Мерседес»:

– Ваш?

Механик взглянул на свои сверкающие импортные туфли, приподнялся на носках, усмехнулся.

Машина принадлежала Романову, но он почему-то решил соврать:

– Я не похож на механика? Типичное совдеповское мышление. – Он пригубил коньяк, затем быстро выпил. – В дальнейшем прошу не угощать.

Гуров не умел обижаться, но «совдеповское мышление» его царапнуло. Алкаш. Работал за рубежом, выгнали за пьянку. А может, он, как и я, лишь представляется. Да уж больно тонко, импортный комбинезончик, начищенные туфли, рубашечка белее девственного снега, реабилитируется за прошлое.

– Мы не виновные, лишь потерпевшие, – Гуров развел руками. – А что с иностранцем?

– Известно, с сахаром сейчас перебои. – Механик огладил лакированное крыло «Мерседеса». – Добрый человек подкормил, подсыпал сахарку, теперь чистить, продувать... Морока.

– Да, мир не без добрых людей! – согласился Гуров и кивнул. – Был рад, еще встретимся.

Гуров направился к выходу, успел увидеть, как Александр Сергеевич Романов тяжело оперся на капот, другой рукой вытер испарину.

«Совсем плохой», – решил Гуров.

Когда гравий под его ногами перестал скрипеть, «механик» выпрямился, усмехнулся и закурил. «Не верь данайцам, дары приносящим. Не верь человеку, который протягивает тебе пустые ладони. Он слишком прост, этот супермен. А может, я на воду дую? В любом случае первую встречу я выиграл, но впредь общение с этим типом следует ограничить». А полковник о новом знакомом забыл, начал философствовать. «Страну наводнили добрые лица, то глаз ближнему выколют от скуки, то голову проломают для разнообразия, сейчас сахарку не пожалели, в машину сыпанули, а могли бы самогонку на нем изготовить, и не жмотничает широкая натура русская. А тысячи и тысячи, ЭВМ начнет считать – сломается, мужиков в расцвете сил заседают в парламентах, фракциях, комиссиях в Кремле и жэках и принимают судьбоносные решения». Гурова давно интересовало, какой процент из беспрерывно заседающих «истинно верующие»? Не в бога, а в социализм, с лицом или без оно, в метод, в черта, дьявола, в какой-нибудь результат. Не могут же они поголовно быть прожженными циниками и лишь своим сегодняшним благополучием жить. Это с одной стороны. А с другой, они не могут быть все дураками и не понимать: сколько ни сиди и ни голосуй, ни одно зерно не прорастет, ни один тюбик зубной пасты от голосования на прилавке не появится. Однако сидят и голосуют. Феноменально!

«Все только критикуют. И ты, Гуров, только критикуешь. А конструктивные предложения? Но я критикую в свободное от работы время, – оправдал себя полковник и тут же уличил: – Но выступаешь не с трибуны, под одеялом. А если дать тебе трибуну? А я лишь сыщик, свое дело исполняю. Одни на трибунах толкутся, другие – в очередях, а в стране даже не преступность, а вандализм, и ни края, ни решения не просматривается. Если у нас в экономике наводят порядок такие же партайгеноссе, что и в милиции, все кончится катастрофой. Как же мы дошли до жизни такой?»

Мысли эти преследовали Гурова постоянно. Он отмахивался от них, и тогда они погружались в глубину сознания, но потом снова выскакивали на передний план и долбили изнутри по черепу, словно пытались вырваться, улететь и освободить его от этой непроходящей боли. Настроение было постоянно угнетенное, состояние вялое, инертное, тянуло в дремоту и к рюмке, чего раньше за Гуровым никогда не замечалось.

Свободный мир, буйный, богатый, жестокий, фонтанировал энергией, изобилием запахов, спектром фантастических цветов и в сознании Гурова походил на джунгли, в которых он никогда не бывал. Здесь все было живое, сильное, разнообразное, противоречивое и одновременно согласованное мудрой природой. Здесь не убивали без надобности, не лезли на чужую территорию, во время стихийных бедствий тотчас заключали перемирие и не гадили в источник, из которого пили все – и хищники, и травоядные. Природа селекционировала сильных, умных, жизнеспособных. Да, слабые и больные гибли, но весь животный мир становился год от года сильнее, разумнее, следовательно, и добрее.

Мы же семьдесят с лишним лет жили в зоопарке, каждый в своей клетке, мы не охотились, нас кормили, но так, чтобы только были живы, не подошли все разом. Первое поколение еще помнило иную жизнь, и его регулярно и планомерно отстреливали, выбирая наиболее опасных, то есть лучших. Оставшиеся размножались, вырождаясь из поколения в поколение, утрачивая навыки предков жить свободно, бороться и драться, добывать пищу и защищать свое потомство. Но если ты умел ходить на задних лапках, тебе давали лишний кусок, если при этом ты вилял хвостом, лизал руку дающего, то, как говорится, получал от пуза, тебя могли временно выпустить из клетки, дать порезвиться на свободе, но под надзором, естественно, постоянно напоминая, что клетка стоит незыблемо. Однако как ни уничтожали лучших, ни воспитывали лизоблюдов и уродов, в генах многих жителей зоопарка еще оставалась память далеких предков, и время от времени кто-то бросался на стальные прутья и истекал кровью. Тогда его труп таскали между клетками, плевали в него. За плевки к скудному рациону полагалась надбавка...

И вот свершилось! То ли стальные прутья съела ржавчина, то ли надсмотрщики вконец обожрались и перепились, устали от постоянного стояния на голове и сами выродились – достоверные сведения отсутствуют. Но факт остается фактом: в один прекрасный момент проржавевшие клетки сломали, и власти зоопарка, сытно рыгая и отплеываясь, заявили, мол, черт с вами, живите свободно, а мы поглядим, что у вас получится. Началось всеобщее ликование. Заповедник, в котором семьдесят с лишним лет стоял зоопарк, был огромный, всего вдоволь, работай, распорядись, на всех хватит с избытком. Вглядитесь в себя! Лошади и буйволы – те просто рождены для тяжелого труда, он на свободных землях им в радость. Так ведь отвыкли, в клетках мышцы одрябли, в клетках приучили – десять шагов сделал, клочок сена получил и дремли до завтрашнего дня. Отучали от свободной жизни и труда поколения, а свободу дали в одночасье, а как ею пользоваться, долгожданной, как работать без кнута, известно немногим. И те прямо на глазах жиреть начинают и вызывают острое желание прирезать их немедленно. И начали резать... И жирных, и самостоятельных, от стада отбившихся. Шакалы и гиены в любом мире есть, но там они свое место знают, за благородными хищниками, породистыми и здоровыми, лишь остатки подбирают и не высовываются. А у нас они за главных стали, свои порядки устанавливают, все их боятся и не знают, что делать теперь.

И полковник Гуров не знает, мышцы накачал, хитрые приемы драки, которые самообороной называются, освоил, стрелять натренировался, смех да и только. Не то что других защитить, сам в сегодняшней жизни живот сохраняет, пока стае дорогу не перешел и всерьез на него шакалье внимания не обратило. Однажды взглянули повнимательнее, так пуля сантиметром ошиблась, а в следующий раз куда надо угодит. А то и того проще – сзади железом по голове, и мышцы ни к чему окажутся, и стрелять не придется, а в крематории скажут, что идеалистом жил и дураком помер.

К главному корпусу подкатил серебристый «Вольво», следом остановилась черная «Волга». Из каждой машины вышли по паре. Издалека, а Гуров наблюдал за приехавшими метров с пятидесяти, они были удивительно похожи друг на друга. Мужчины плотные, среднего роста, женщины высокие, в наброшенных на плечи мехах. Хозяев жизни узнаешь сразу,

для этого не надо быть сыщиком. Они не запирают машины и не таскают чемоданы, а уверенно следуют к цели, убежденные, что о бытовых мелочах найдется кому побеспокоиться. И действительно, гости не успели скрыться за дверьми, как холуи появились. Это были водители машин. Как и хозяева, они походили друг на друга. Оба лет тридцати, в кожаных куртках, легкие и точные в движениях, они действовали синхронно: открыли багажники, легко выхватили чемоданы, и не потому, что те ничего не весили, сумки перекинули через плечо, дверцы машин захлопнули ногой и потащили вещи в здание.

Гуров, естественно, знал, кого следует ожидать, но на таком расстоянии не разглядел, кто же именно явился. Всего должны были приехать четверо – женщины, разумеется, не в счет, значит, в ближайшее время придут еще двое.

По оперативным данным, здесь должны встретиться так называемые авторитеты уголовного мира, «курирующие» московский регион и часть центральной России. Каждый из авторитетов занимал в официальном мире негромкую должность, но в действительности обладал колоссальной властью, которой мог бы позавидовать партийный функционер или народный избранник среднего звена. Миллионы рублей и, конечно, валюта, десятки отлично вооруженных боевиков, самая современная техника, транспорт находились в распоряжении каждого из четверки. У них имелись разведка и контрразведка, бухгалтерия и отдел кадров, но лишних людей здесь не держали, деньги были свои, кровные, считать их умели, потому и никаких специальных комиссий, внеочередных сессий. Понадобилось решить некоторые вопросы, вот и собрались в узком кругу, по-семейному, представителя от МВД сюда не приглашали, и присутствие полковника Гурова авторитетами не планировалось. Такова жизнь, и не только у правительства случаются накладки...

Глава вторая

В главном корпусе дома отдыха было всего восемь люксовых номеров и столько же однокомнатных для обслуживающего персонала. Гараж, о котором уже рассказано, современно оборудованная кухня, две сауны, бассейн, крытая оранжерея; конечно, садовник, директор, главный администратор, сестра-хозяйка, горничные, всех и не перечислишь.

Злые языки, критики социалистической системы, совершенно напрасно утверждают, что строить у нас не умеют и красиво жить после переворота разучились. Гнусная клевета, строить умеют и живут красиво, мы от зависти видеть ничего не хотим.

Самое интересное, что в данный момент, который длился уже второй год, дом отдыха вроде бы как никому не принадлежал. Когда Гуров получил информацию, что встреча на высшем уровне состоится именно здесь, и начал по официальным каналам выяснять, кому именно хозяйство принадлежит и как туда попасть, то ничего не выяснил. Депутаты от демократической платформы разоблачили это теплое гнездышко крупных функционеров, потребовали его закрыть и передать... В результате гнездышко с одного баланса сняли, на другой не поставили, закрыли, но не передали, а теперь вот выясняется, что, может, и не закрывали. В общем, МВД концов не нашло, даже не смогло выяснить, кто же продолжает субсидировать заведение. Судя по чистоте, порядку и сытости, обслуга понятия не имела, что лишилась места работы и заведение закрыто. Жили как жили, справедливо полагая, мол, свято место пусто не бывает.

И хозяйева нашлись. Журналисты и даже Сам-лично называют их мафией, дельцами теневой экономики, всячески оскорбляют и усиливают с ними борьбу. А это просто люди с деньгами, нормальным мышлением и хорошей реакцией, умеющие делать свое дело, выживать в экстремальных ситуациях. Они эгоистичны, злы и сильны, беспощадны в борьбе, уверены, что в жизни не просить, а отнимать надо, и протягивай руки, иначе протянешь ноги. А кто первым встал, того и сапоги. В общем, люди, они и есть люди, такими их создал господь и тысячелетиями селекционировала природа, отбирала лучших, убивала слабых. И жестока жизнь, и несправедлива, но она такая. Истории можно придумать любые, но законы жизни на Земле изменить нельзя.

Людей, которые приняли на свой баланс данный дом отдыха, во всем мире называют бизнесменами. У нас таких людей не признают, объявили вне закона, отодвинули в тень, но от этого они не исчезли, живут. Вот они и приехали в собственный дом отдыха.

Ну, хозяйева приехали, так им сам бог велел, а как сюда полковник милиции пробрался? И не только пробрался, еще занял один из восьми люксов. Хозяйева, обнаружив полковника, будут очень удивлены, можно сказать, шокированы, беспременно начнут выяснять, откуда он взялся. Однако ничего они не выяснят, так как у бизнесменов свои секреты, а в команде Гурова – свои, и дураков ни здесь, ни там не держат.

В своих апартаментах Гуров расставил простейшие ловушки и, вернувшись с прогулки, установил, что гости здесь побывали. Люди они были либо предельно наглые, либо неквалифицированные и в количестве как минимум двух персон. Что они искали или надеялись найти, являлось для сыщика загадкой, над которой он не мучился, лишь пожал равнодушно плечами. Арсенал его состоял из двух пистолетов: «вальтера», изящного оружия ближнего боя, которое Гуров всегда держал при себе, и «кольта» одиннадцатого калибра, из которого со ста метров, словно иголкой легкую ткань, можно прошить любой автомобиль. «Кольт» хранился в машине, и обнаружить его мог только профессионал.

Гуров запер дверь, разулся и пустился гулять по роскошному серебристому паласу, с удовольствием оглядывая апартаменты. Гостиная метров тридцать, не меньше, на полу, как уже сказано, палас, стены затянуты тканью, два огромных окна, автомобиль может въехать, шторы дорогие, тяжелые, с золотыми кистями. Сыщик не удержался, потянул за витой шнур – ничего

не клинилось, шторы мягко сошлись. Тогда он начал зажигать торшеры, которых оказалось четыре, присел за письменный стол, кресло было жесткое, деловое. В противоположном углу – два кресла, низких, плюшевых, между ними столик, такой изящный и хрупкий, что тронуть его сыщик не решился. У правой стены – бар, обыкновенный, с зеркальной стенкой, бутылки тоже обычные: «Столичная», коньяк «Енисели», виски «Джон Уокер», плитка шоколада, какие-то конфеты. Холодильник салатного цвета, ростом чуть выше Гурова, дверца открывается мягко, внутри светло и прохладно. Сосиски, пиво, маслины и икра в банках, а кефир и молоко в бутылках.

В дальнем углу телевизор и видео с дистанционным управлением. Именно по такому телевизору в передачах из «их» жизни каждый мог неоднократно видеть такой вот номер: бар, холодильник с таким же содержимым. Если человеку показывают красивую жизнь, почему бы и не посмотреть? Они так далеко, что даже и не завидно. А вот если у нас у кого-то появится нечто подобное, значит, наверняка наворовал. А раз так – поделим или пропьем, не сумеем завладеть – так уж разломаем наверняка.

Гуров раздвинул двери и прошел в спальню, обставленную простенько, но со вкусом. Лежбище, иначе это низкое, размером два метра на два ложе назвать трудно, было затянуто чем-то розовым, шелковым и блестящим, телефон, торшеры, бра, небольшой телевизор, встроенный шкаф во всю стену, в котором сиротливо болтался вечерний костюм Гурова, и дверь в ванную комнату, о размерах и комфортабельности которой даже говорить противно. В такой ванной вполне могла бы разместиться однокомнатная квартирка, обещанная верными поклонниками социализма каждому москвичу к двухтысячному году.

Полковник Гуров, захвативший столь скромные апартаменты абсолютно незаконным образом, скинул одежду и решил принять душ.

Борис Андреевич Юдин в свои неполные шестьдесят любил молоденьких блондинок, носил только «штатскую форму», джинсовые куртки, вместо галстука повязывал платки, предпочитал ковбойские сапоги либо кроссовки. На запястье у него тускло поблескивал золотой «Ролекс», зажигалка тоже была неброская, платиновая. Движения Юдина были легки, но неторопливы, с лица не сходила улыбка, порой насмешливая, иногда усталая, реже – искренняя. Глаза он носил карие и умные, честно предупреждая, с кем вы имеете дело, никогда простачка из себя не изображал, голос использовал негромкий, что вынуждало окружающих вести себя тихо, жаргонных слов и вульгаризмов не употреблял.

Он никогда не брал в руки оружие, врагов не имел: само собой как-то так получалось, что стоило человеку встать у Юдина на пути, даже не обязательно поперек, а хотя бы по касательной, как с тем человеком происходили неприятности. Один в автокатастрофу попал, у другого миллионная дача сгорела. А третий со шлюшкой запутался и за изнасилование устроился в колонию строгого режима лет на несколько.

В общем, у Бориса Андреевича Юдина врагов не было, они созреть не успевали, устранялись. Юдин имел свой бизнес, на данную встречу приехал крайне неохотно, так как с руководством Корпорации в настоящее время деловых связей не имел, но необходимость такой встречи отлично понимал.

Номер Юдина был точной копией вышеописанного, лишь оформлен в другой цветовой гамме. Борис Андреевич полулежал в низком кресле, разглядывая на свет высокий бокал с янтарной жидкостью. Очередная блондинка распаковала вещи. Нина уже отметила двадцатилетие, имела все данные для участия в конкурсах красоты, но не участвовала. Так как два года назад приобрела покровителей, квартиру, «Жигули», дензнаки и всю остальную атрибутику, необходимую для молодой красивой женщины. Нинель Алексеевна Журба, а именно так было записано в паспорте, за два года, извините за пошлость, прошла огонь, воду и медные трубы, рассталась с иллюзиями, научилась не задавать вопросов, быть ласковой, но хозяйина не утом-

лгать, никогда не просить, ничего не упускать, всегда находиться в хорошем настроении и не становиться рабой.

Вот и сейчас она давно уже разложила белье, повесила в шкаф одежду, но в гостиную не входила, видела, что Борис чем-то озабочен и хочет побыть один.

А он разглядывал бокал с виски, недовольно сопел и косился на листок бумаги, который лежал на журнальном столике. Юдин подтолкнул к себе листок, взглянул на записку и вновь недовольно отвернулся.

Записка была лаконичной: «Гуров Лев Иванович, сотрудник МВД СССР, поселился вчера вечером».

– Борис, я на полчаса займу ванную? – спросила Нина, не выходя из спальни.

– Разумеется, – он махнул рукой.

Почему-то Нина решила, что Юдин хочет поговорить по телефону, и задвинула за собой дверь. Борис Андреевич одобрительно кивнул, снял трубку, набрал номер и, когда администратор ответил, недовольно спросил:

– Как он поселился? Кто разрешил?

– Борис Андреевич, я Георгию Акимовичу уже объяснял... В понедельник была телефонграмма, чтобы приготовить четыре номера. Во вторник приезжает человек и говорит, мол, номер заказал, ждут...

– Болван, – перебил Юдин и положил трубку. Тут же снял вновь, позвонил в соседний номер Мельнику, но того в номере не оказалось.

Георгий Акимович Мельник в свои сорок с небольшим обзавелся солидным брюшком и лысиной, которую тщательно закрывал зачесанными набок длинными прядями иссиня-черных волос. Покрытые лаком, они делали голову похожей на шар. Образ дополняли розовые свисающие щечки, нос клювиком, под которым шлепали мясистые алые губы, и широко расставленные глазки, цветом и суетливостью напоминающие шарик ртути. Такая внешность могла бы вызвать улыбку, но у людей, хорошо знавших Гоги, разговор с ним, как правило, веселого настроения не создавал.

Мельник постоянно носил классические костюмы, сшитые у отличного портного, отутюженные, накрахмаленные рубашки с галстуком и дорогую импортную обувь. Ну и, безусловно, массивный перстень, который красовался на некрупной руке Мельника, перерезая его пухлый палец.

За несерьезной внешностью опереточного фигляра скрывался умный, хитрый и жестокий Георгий Акимович Мельник – человек, непрерывно мучающийся комплексом неполноценности, глубоко несчастный и обаятельный, как греющаяся на солнышке кобра.

Авторитет Гоги Мельника в Корпорации зиждился на боевиках, числа которых, кроме него самого, никто не знал. Он контролировал деятельность почти всех крупных рэкетиров Москвы и области. Деньги стекались к нему по сотням тоненьких каналов, которые, словно ручейки, соединившись, образовывали могучую реку.

Затем деньги отмывались и направлялись в официальный бизнес, вкладывались в совместные предприятия, превращались в валюту. Если финансисту Корпорации требовалось кого-то припугнуть, сжечь дачу, разгромить кафе или офис, он обращался к Гоги Мельнику и мог быть уверен, что все его пожелания будут выполнены точно и в срок. Десятки, кто знает, может, и сотни безжалостных вооруженных парней беспрекословно выполняли волю Гоги. Секрет его власти был довольно прост и заключался в том, что Георгий Акимович Мельник был талантлив, даже гениален. Вероятно, бог задремал, и дьявол ткнул острым пальцем наугад и угодил в народившегося Гоги. Для него не существовало в человеческой душе тайников, и чем темнее оказывалась душа, тем легче она становилась добычей Гоги. Он знал каждого из своих десятников, безошибочно определял наиболее уязвимое место человека, куда следует надавить, с какой силой и как долго. Он верхним чутьем определял усталость, разочарован-

ность, возможность предательства или срыва. Отработавших убирал. Почувств сговор, излишнюю, с его точки зрения, сплоченность, тасовал свою дьявольскую колоду, отрезал, подравнивал, сдавал и всегда был при козырях.

Когда администратор сообщил Гоги, что в гостинице проживает полковник милиции, Мельник сгоряча распорядился, чтобы об этом уведомили Бориса Андреевича Юдина. Загородную резиденцию «курировал» именно Юдин, и Гоги хотел его подколоть, но затем, верно рассудив, что за охрану спросят именно с него, Мельника, начал действовать. Не мудрствуя лукаво, он приказал обыскать номер незваного гостя, а сам поспешил навести о нем справки. Полковник МВД – информация слишком расплывчатая. Человек может служить в хозяйственном или политическом управлении. Это одно дело. А если он оперативник?..

В распоряжении Юдина имелся компьютер с банком данных на своих и на чужих. Следует лишь позвонить и заказать справку. Но сложность заключалась в том, что звонить в операторскую можно только из автомата, а с другого аппарата даже у Мельника заказ не примут.

Он спустился в холл, пошарил в кармане, выгреб мелочь, оглянулся в поисках автомата, но, конечно, не нашел: мог ли быть такой примитив в шикарном уголке? Телефон администратора не годился, еще один аппарат, для общих нужд, стоял в углу на столике, но требовался именно автомат. Гоги выругался и неожиданно вспомнил, что имеется телефон в машине.

Оператор, работавший на компьютере, услышав зуммер, снял трубку, взглянул на номер абонента.

- Слушаю.
- Мельник говорит. Я за городом, рядом нет автомата, говорю из машины.
- Вижу.
- Срочно. Гуров Лев Иванович.
- Известен, данные имеются. Георгий Акимович, не клади трубку.

Компьютер писал: «Гуров Лев Иванович, полковник, в угро работает почти двадцать лет, пятнадцать в МУРе, на момент заполнения данных находится в распоряжении Управления кадров МВД СССР. Живет один в двухкомнатной квартире...» Оператор занес в блокнот адрес, телефон и номер машины Гурова.

«Сорок лет, рост сто восемьдесят два, вес около восьмидесяти, волосы русые, виски седые, глаза голубые, одевается старомодно, предпочитает белые рубашки, галстук, на правой руке обручальное кольцо...»

И далее пошло крупным шрифтом: «Гуров – фигура противоречивая, для нас крайне опасен и крайне притягателен. Пользуется авторитетом и большой популярностью среди сотрудников угро. В обращении с окружающими сдержан, прямолинеен до глупости, часто конфликтует с начальством, которое Гурова только терпит.

Мы не располагаем данными, чтобы Гуров хотя бы раз взял у нас деньги, но существует мнение, что последнее возможно, если сумма и упаковка будут соответствующими объекту. При обсуждении этого вопроса обнаружили две позиции. Одна – Гуров умрет, но не возьмет. Вторая – Гуров разочарован, устал, раздражен политикой правительства, некомпетентностью собственного руководства, считает свою борьбу с нами донкихотством, ведет ее уже механически, по привычке. Вывод – вербовка Гурова реальна. При контактах с Гуровым надо учитывать, что он умен, опытен, честолюбив. Как показал опыт, силовое давление вызывает у него бурную реакцию сопротивления, доведенный до крайности, способен на убийство.

Пользуется успехом у женщин, но крайне осторожен и рационален в связях, спиртное почти не употребляет, однако при необходимости может выпить и много. Хорошо физически подготовлен, крайне опасен в рукопашной. Застрелил Эфенди, которому была заказана лик-

видация Гурова. Сам при этом получил пулю в грудь, выкарабкался. От повторной попытки убрать Гурова решено пока отказаться».

Юдин пил потихоньку виски и размышлял о том, зачем и каким образом забрался в святая святых мент.

Решив наконец, что каждый должен заниматься своим делом, Юдин вновь позвонил в соседний номер.

Георгий Мельник получил справку, поругался с оператором, вернулся к себе и сейчас занимался любовью. Сняв лишь пиджак и ботинки и не дав раздеться партнерше, он исполнял святое дело истово, стараясь не столько получить удовольствие, сколько унижить женщину.

В первую очередь Мельник был профессионал и в любой ситуации телефон всегда имел под рукой.

– Кто говорит и что требуется? – недовольно спросил он.

– Юдин. Надо поговорить.

– Говори, черт бы тебя побрал! – Мельник дал женщине пощечину и рассмеялся. – Ага. Давно не виделись. – Мельник вновь хохотнул. – Записку о Гурове прислал я. Ребята уже шманули его, ничего интересного. Сейчас кончу и зайду. Обсудим...

Александр Сергеевич Романов, с которым сыщик познакомился в гараже, закончил работу, повесил комбинезон на плечики и убрал в шкафчик. Подсобка была небольшая, чистая и уютная, на столике – телефон и маленький телевизор, на подоконнике – электрическая плитка и чайник, у противоположной стены – верстак, над ним металлические шкафчики с инструментом. Романов вынул из кармана ключ, открыл один из шкафчиков и достал из него наплечную кобуру с «вальтером», родным братом пистолета, с которым не расставался полковник Гуров. Романов попытался надеть кобуру, долго прилаживал, остался недоволен, сунул «вальтер» в карман, а кобуру снял и запер в шкафчик. Он оглядел себя в зеркало, одернул пиджак, причесал седые волосы, придвинулся к зеркалу вплотную, придирчиво осмотрел зубы, глазные яблоки и остался явно недоволен. Он отступил назад: человек в зеркале был ему несимпатичен.

– Неудачник, – произнес он вслух и состроил гримасу. – Ты говоришь на двух языках, психолог и аналитик. Да пошел бы ты... – И Романов длинно выругался, после чего у него на бледных скулах выступили розовые пятна. – Как говорил Иешуа, самый омерзительный из человеческих пороков – трусость.

Он шагнул к двери, пистолет в брючном кармане ударил по бедру. Романов скривился, вынул «вальтер», сунул в задний карман, снова почувствовал неудобство и переложил во внутренний карман пиджака. В это время раздался телефонный звонок. Александр Сергеевич взглянул на аппарат с любопытством, лишь после третьего звонка осторожно снял трубку.

– Слушаю.

– Подойдите к служебной лестнице...

– Какие проблемы? – Романов тяжело вздохнул. – Что-нибудь срочное? Я собрался обедать...

Очень высокопоставленный функционер дал Юдину телефон гаража, назвал имя и отчество механика, пароль и предупредил, что в крайнем случае Борис Андреевич может обратиться к нему за помощью. Появление в гостинице полковника Гурова произвело на Юдина впечатление серьезное. В общем-то по поводу неожиданного гостя не у Юдина должна болеть голова, а совсем даже у Гоги Мельника, но этому гражданину, несмотря на весь его авторитет в подобных вопросах, Борис Андреевич решил полностью не доверяться. Одно дело – рэкетеры и экссы, бандиты и случайные пожары, совсем иное – борьба с сыщиком экстра-класса. Механика рекомендовали на высшем уровне, он был козырной картой Юдина, о которой Гоги Мель-

ник ничего не знал. И хотя, пожалуй, рановато еще до начала игры вытаскивать из рукава главный козырь, Юдин решил, не открывая Романова, тайно встретиться с ним и посоветоваться.

– Александр Сергеевич, мне ваш телефон дал солидный человек, наш общий знакомый...

– Извините, – перебил Романов. – Я не понимаю, о чем вы... Если нужна помощь с машиной, то через час прошу...

– Подождите, – теперь перебил Юдин. – Я вам перезвоню. – Закончить он не успел, так как в дверь резко постучали, из коридора донесся громкий смех и голос Мельника:

– Открывай, подлый трус!

Нина бесшумно выскользнула из спальни, вопросительно взглянула. Юдин положил трубку, кивнул. Девушка открыла дверь, Мельник ворвался, словно пьяный биндюжник в пивную, застегивая на ходу молнию брюк, и заорал:

– Это не девка, а тайфун! Иди, крошка, успокой подружку. – Взмахнул рукой, пытаясь шлепнуть Нину, но та увернулась, вышла из номера, закрыла за собой дверь.

Мельник подтянул болтающийся на шее галстук, прошелся по номеру, уже спокойно, без блатного пришепетывания сказал:

– Ладно, ладно, не буду! – Он выставил перед собой ладони. – Знаю, вы этого не любите. Но, Борис, ты гомо сапиенс, должен понять, – у каждого свой темперамент. Договорились, до завтра о делах ни слова. Этот мент нам, конечно, ни к чему. Так разберемся, пусть не болит голова у дятла.

Юдин наблюдал за Мельником, особенно не прислушивался к его болтовне, так как отлично знал, что Гоги привычно бутафорит и никогда не скажет, что в действительности решил предпринять. «Старый стал, – думал Юдин, – зачем я пригласил этого заплечных дел мастера? Надо тихо встретиться с механиком, прокачать ситуацию. Разваливаюсь, пароль Романову назвать забыл, да теперь уже значения не имеет»... И мягко спросил:

– Посторонний поселился? Кто за него платит?

– Кого теперь это колышет? – Гоги вновь поправил галстук и одернул пиджак. – Поселился на гоп-стоп, мы же верительных грамот не имеем. Накладка, конечно. Платим мы, если хочешь, я лично. Тебе бабки жалко?

Юдин потер ладонью седеющий ежик густых волос, не ответил, да Гоги ответа и не ждал. За порядок и охрану отвечал он, прокол в его ведомстве. Позже Мельник разберется, виновные ответят, а сейчас не защищаться, а нападать следует.

– Кто говорил, мол, обслугу здесь не менять, пусть все останется, как при партайгеноссе? – Гоги вытер мокрые губы. – Здесь же холуи, не люди. Видят уверенного номенклатурного деятеля. Они что, каждого в личность знают? Их предупредили: человек требует – значит, право имеет.

С улицы донесся автомобильный сигнал. Гоги подскочил к окну, одернул штору.

– О, прибыли их святейшество, Кац Анатолий Самойлович. Фамилию отхватил, только для погрома. И Губский Эдуард Федорович нафталин отряхнул, подагрические суставчики смазал и прискрипел, теперь поучать будут.

– Встретить бы не мешало, – обронил Юдин.

– Мне? – Блеклые глазки Мельника заледенели, кожа на лице словно натянулась, проступили костяшки скул, даже вялый животик подобрался. Комик-болтун исчез, на Юдина смотрел убийца.

– Твоя работа. – Юдин легко поднялся, поправил шелковый платок, который был небрежно повязан вместо галстука, и обаятельно улыбнулся. – А нет настроения, так я, мальчик шустрый и не гордый, сбегаю.

Гоги помягчел лицом, шлепнул губами, рассмеялся, выскочил в коридор и чуть не налетел на Гурова. Мельник не сразу сообразил, с кем столкнулся, схватил за рукав.

– Кто такой? Чего здесь шляешься?

– Ба! Георгий Акимович! Здравствуйте, какими судьбами? – Гуров мягко отстранил руку Мельника. – Гостей встречаете? Там Эдуард Федорович и Анатолий Самойлович прибыли...

– А, это ты... – Гоги понял, кого остановил, и, хотя Гурова видел впервые, кивнул, как старому знакомому. – Привет. Я в шестом. Заходи, потолкуем.

– Спасибо.

Мельник махнул рукой и скатился по ковровой лестнице на первый этаж.

Гуров зашел в чистенькое, оформленное под русскую избушку кафе, стены которого были декорированы под дерево, а столы и скамейки сколочены из натуральной, идеально отструганной сосны. Светильники изображали слегка прикопченные керосиновые лампы, окна зашторены льном с алыми петухами, пол посыпан свежими опилками. Пахло чистотой и уютом. На Руси богатые издавна тяготели к простому люду и были театрально искренни, и в эту свою искренность по-детски верили. Сыщик оценил и веру, и краснощекую девицу в сарафане, которая встретила его поясным поклоном, одарила улыбкой.

– Меня Настя зовут. – Девица хихикнула. – Чего барин изволит?

– А чего не жалко, барышня?

– С икоркой нынче перебои, но балычок имеем, яишенку фирменную с зеленью рекомендуем, кофе заморский.

– Яишенку и кофе. – Гуров сел в угол, лицом к двери, оглядел номенклатурную «избушку», кому-то ведь она должна официально принадлежать. Хотя какое это имеет значение?

Информация оказалась правильной, авторитеты прибыли вовремя. Интересно было бы определить, какова сегодня их действительная власть, без преувеличения. У преступников, как и у официальных властей, нет единства – грызутся. Депутаты направляют запросы, создают комиссии, требуют отставки, эти действуют проще: жгут, убивают. А людей охватили апатия, страх, они озлобились, не хотят работать, никому не верят. Чем может помочь милиция? В частности, он, сыщик уголовного розыска? Практически ничем. Муравей. В каждом человеке заключена Вселенная... Слова. Перед тобой поставлена задача, давай, мент, работай и кончай философствовать.

Гуров начал себя пришпоривать, накручивать, но злость, которая в его работе необходима, не появлялась. Он сидел холодный, ленивый и равнодушный, жевал фирменную яишенку, пил заморский кофе, мысли путались, и приводить их в порядок не находилось ни сил, ни желания. Раньше все было проще: он видел жертву, безумную мать или жену, осиротевших ребенка или старика и понимал свою необходимость, свою обязанность защитить закон, по которому за каждое преступление должно последовать наказание. И пусть не всегда это удавалось, однако он боролся с конкретным преступником, который пробуждал злость, порой ненависть, и они являлись топливом, питали энергией, заставляли действовать. А что сделали эти люди? Пустые прилавки, вагоны с продовольствием, неделями простаивающие на запасных путях, переполненные злобой очереди. Кто виноват? Чистая, пропитанная сытостью и покоем избушка, льняные занавесочки с алыми петухами, розовощекая девица, выученная говорить на русском языке. Так ведь построили райский уголок не авторитеты, они лишь захватили и используют. Нет у сыщика злости на таких преступников, ничего с этим он поделать не может, а нет злости, нет и сил.

«Будешь философствовать, не сумеешь собраться, пришлепнут», – урезонивал себя сыщик. И, будто подслушав его мысли, в избушку вошли двое охранников, крепкие ребята с округленными литыми фигурами, сытыми равнодушными лицами.

– Мир дому! – сказал один из них, мазнув по Гурову взглядом, и занял столик у окна.

– Настя, рабочий класс прибыл! – громко объявил второй, усаживаясь рядом с напарником. – Тащи горшки и чего-нибудь покрепче чая!

Они были похожи: оба русопятые, ладные и опасные. Один чуть повыше – Гуров без труда определил, что он в паре за старшего, и про себя окрестил его Большим, а второго – Маленьким. Сыщик попытался определить, где у них оружие, но не определил, свободные джинсовые куртки предусмотрительно расстегнуты.

Парни вели себя свободно, но не нагло, выпили по полстакана и с аппетитом хлебали из глиняных горшочков горячее. На Гурова они внимания не обращали, разговаривали негромко, ели аккуратно. Сыщик не сомневался, что перед ним профессиональные убийцы, но глядел на них без ненависти, равнодушно, как смотрят на убийц в кино.

Появился Романов, элегантный, отнюдь не современный отечественный механик, типичный аристократ, даже не сегодняшней, а сошедший с гравюры девятнадцатого века. Александр Сергеевич безлично поздоровался и занял столик у двери. Столиков в кафе было восемь, а посетители расселись треугольником: в дальнем углу Гуров, у окна «водители», у двери «механик». Сыщик сложившуюся ситуацию отметил, но убедил себя, мол, мерещится, для расправы место абсолютно неподходящее – в проходах между столиками суется розовошекая Настя, с кухни доносятся голоса. Только сыщик успокоил себя, как прозвучал звонок, Настя засуетилась и вскоре покатила на выход заставленный блюдами столик.

«Если ее опередить, я успею выйти», – как о постороннем подумал Гуров и не двинулся с места. Настя со столиком уехала, тут же из кухни выплыла дородная женщина в жестко накрахмаленном стерильном белом колпаке. Глядя завороченно прямо перед собой, словно боясь упустить из вида что-то чрезвычайно важное, она проследовала к дверям и скрылась. В утробе кухни брякнуло, лязгнуло, и сыщик ясно увидел массивную железную дверь и засов.

«И все равно, – упрямо думал он, – стрелять не будут. – И пододвинул ногой сосновую табуретку ближе. – А в рукопашной мы разнесем теремок вдребезги. Здесь собрались люди серьезные, они не позволят необдуманных поступков. Но серьезные на втором этаже, – возразил себе сыщик, – а тут исполнители, они способны рассудить иначе. Им приказано припугнуть и выставить постороннего, который нагло забрался, куда ему не следует, и этот посторонний – мент, но – ментов тысячи, и церемониться с каждым...»

Гурову пришлось свои размышления прервать и вернуться к действительности, так как водители-охранники поднялись. Маленький двинулся к выходу, а Большой – к столу Гурова. Боковым зрением сыщик видел, что Маленький задержался около Романова, который кивнул и встал. Сыщик, не поднимая головы, следил за ногами подходившего шофера. Прежде чем напасть, человек всегда собьется с шага. Большой не сбился, спокойно сел рядом. Гуров поднял голову, взглянул с любопытством.

– Давай, приятель, собирай вещички, двигай домой, в твоём возрасте надо больше думать о здоровье.

– Да я еще молодой. – Гуров улыбнулся, мягко подобрал ноги.

– Зачем спорить-то, молодой?

Миролюбивый тон мог обмануть лишь сопляка. Шофер ударил быстро, но Гуров ожидал нападения, легко наклонился, кулак рассек пустоту, и на секунду бандит раскрылся. Гуров вытянул руку, коротко ударил противника в горло, под адамово яблоко. Большой хрюкнул, ткнулся лицом в стол, сыщик достал наручники и, пристегнув его кисть к ножке стола, вынул у него из внутреннего кармана пистолет.

Маленький происшедшего видеть не мог, так как, выпроводив механика, стоял у двери с наружной стороны. Гуров знал, что боль уже отпустила, человек уже пришел в себя, сейчас натужно слатывает, пытается сориентироваться в обстановке.

– Ты знаешь, кто я? – Гуров допил остывший кофе.

– Мент поганый, – прошептал сипло Большой и сел прямо.

– Допустим. Тогда ты фраер сопливый. Гоги тебя выгонит, он же не велел бить меня. Как зовут?

– Ну, Степан.

– А меня – Лев Иванович. А того, кто за дверями стоит?

Гуров видел, как новый знакомый потянул наручники, стол качнулся.

– Чего молчишь, Степа? – Гуров поднялся, взял с буфетной стойки стакан с соком. – Освежись, полегчает. Так как зовут твоего приятеля?

Степан сделал натужный глоток, отставил сок, вытер слезящиеся глаза.

– Кореша Толиком звать.

– Анатолий и Степан, хорошие имена. – Гуров закурил. – Позови его.

Степан откашлялся, но Толик сам заглянул в теремок:

– Ну, чего валандаетесь? Пошли!

– Погодь! – громко сказал Гуров. – Шагай сюда, Толик, разговор имеется.

Толик был прост и незатейлив, как огурец, подошел, сверкая улыбкой, и спросил:

– Сговорились? Я же тебе толковал, Степа, что товарищ умный. – Он смотрел на содельника и не обратил внимания, что Гуров, подвигая ему табуретку, поднялся и взял столовый нож. – Ты чего, Степ, забурел?

Гуров ударил ручкой ножа чуть пониже третьей пуговицы, точно в солнечное сплетение. Толик чуть не выплюнул язык, глаза застекленели, он схватился за живот, упал на стол. Гуров отобрал у него пистолет, пригрозил Степану:

– Будь хорошим. – Отстегнул браслет наручников от стола, защелкнул его на запястье Толика. – Теперь спокойно поговорим, ребята.

Скованные наручниками, Степан с Анатолием сидели смирно, держали руки на коленях и со стороны производили приятное впечатление.

Обслужив в номерах высокопоставленных клиентов, вернулась в кафе розовощекая Настенька, пронесла свою крахмальную корону шеф, на столик с новоявленными друзьями не взглянула, давно научившись отличать хозяев от их слуг. Шефу предстояло приготовить обед, а продовольственный кризис хотя еще резиденции не захватил, но кладовки уже выдувал, приходилось изворачиваться. Гуров заказал коньяк и кофе, сам не пил, сидел расслабившись, скрывая дрожь и тошноту, естественную реакцию организма на перенапряжение. Сколько ни тренируешься, а супермена из него не получается. Сыщик вздохнул, заметил, как кривится от боли Толик, дышит осторожно, а Степан глотает коньяк и вздрагивает.

– Ты лед из морозилки выковырни и к брюху приложи, – посоветовал Гуров, и не потому, что парня пожалел, а так, для завязки разговора.

– Сегодня, Лев Иванович, прикуп твой, – сипло сказал Степан. – Так ведь замочить ты нас все равно не можешь, а завтра тоже наступит. Раз ты Гоги знаешь, то должен понять, он не простит.

– Ясно дело, не простит, – согласился Гуров и пристально посмотрел в глаза Степану.

– Пушки отдай, сука. – Мысли Толика были короче, слог лаконичней.

– Обязательно, – кивнул Гуров.

– Ну и как полагаешь дальше? – спросил Степан.

– Не знаю, давай решать.

– Пушки отдай, и мы тебя отпустим, – вмешался Толик.

– Совсем плохой. – Гуров смотрел укоризненно. – Степан, скажи...

– Ты на сдаче, банкуй, – ответил Степан и отвернулся.

– Слушай, мент, а Эфенди, случаем, не ты пришел? Так слышал я о тебе...

Закончить Толик не сумел, Степан ударил его по лбу. У нормального человека произошло бы сотрясение мозга. Толик лишь зубами лязгнул, голова у него была сильным местом. Он взглянул на старшего с обидой, буркнул:

– А я ничего. – И подлил в стакан коньяку.

– Он как? – Гуров кивнул на Толика, шлепнул пальцем по губам.

– Могила, – ответил Степан.

– Смотри, ты сам сказал, что Гоги не простит. – Гуров увидел, как метнулся взгляд Степана, понял, что смысл сказанного дошел по назначению, и продолжал: – Я, Степан, человек мирный, интеллигентный, приехал отдохнуть, если Георгий Акимович Мельник пожелают, обсудить некоторые вопросы. А ты сразу драться, нехорошо. Теперь мы оба в глупом положении. Извечный русский вопрос: что делать?

– Ты с Гоги знаком?

– Заочно.

– Значит, бумажки о нем читал, – понял Степан. – Так ты его не знаешь.

– Степан, давай столом мента придушим, – снова возник Толик, – ключ и пушки отнимем.

Степан провел ладонью по лицу приятеля, подвинул ему стакан:

– Закройся, без тебя тошно.

– Слушай, Степан, внимательно, постарайся понять. – Гуров выдержал небольшую паузу. – Я вас сейчас отпущу, если вы начнете безобразничать, пристрелю. Пистолеты с вашими пальчиками вот тут, – Гуров похлопал себя по карману, – так что у меня – самозащита, у вас – крематорий. Понятно? Георгию Акимовичу Мельнику я ничего не скажу, вы будете ему служить, словно ничего не произошло. Ему – служить, а мне немного прислуживать. Обыкновенный шантаж в нашей с вами жизни дело обычное. Есть контрпредложения? Вопросы? Нет. Тогда с богом.

Гуров бросил на стол ключ от наручников.

– Браслеты с ключиком оставьте на столе, прикройте салфеткой и топайте.

Сыщик отошел к буфетной стойке. Степан не раздумывал, сейчас главное освободиться, а дальше жизнь покажет, мент еще горько пожалеет. В машине имелись пушки не хуже, главное – не дать менту выйти с территории.

Степан бросил наручники на стол, прикрыл салфеткой. Гуров пил сок из запотевшего стакана, с улыбкой наблюдая за боевиками, которые, потирая ушибленные места и натертые кисти рук, решали, что теперь делать.

– Двинули, что ли? – буркнул Толик.

Степан был умнее, решил сделать вид, что смирился.

– Лев Иванович, как мне с Гоги говорить? Он велел вас отсюда выселить.

– Передай, я с ним встретиться хочу. – Гуров тихо рассмеялся. – Вы на улицу сейчас не выходите, поднимайтесь на второй этаж, а я блокирую ваш транспорт. Ты, надеюсь, соображаешь, Степа, я же здесь не один, и через пять минут ваши пушки уплывут в Москву. Если со мной, не дай бог, что случится, о вашей судьбе побеспокоятся.

Никакого связника у Гурова не было, и отослать пистолеты он никак не мог. Он блефовал, но за неимением гербовой пишут на простой.

Толик переминался с ноги на ногу, натужно сопел, ждал, когда закончат трепаться и надо будет действовать. Эти действия представлялись ему весьма простыми. Следует выйти, встать за дверь, двинуть мента по башке, отнять свои пушки и ни о чем не думать, для того иные люди имеются.

– Что еще желаете? – спросила Настя, выглядывая из кухни.

– Благодарствуем, – ответил Гуров, кивнул боевикам: – До встречи.

Когда они вышли, сыщик взял наручники и, отдернув льняную занавеску с алыми петухами, выпрыгнул в окно.

Толик, шагнув за дверь, встал за косяком. Степан не знал, что еще придумает мент, чувал, так просто тот не дастся, и остановился в нерешительности. И в это время из холла в коридор упала тень, раздался укоризненный голос:

– Степан, нехорошо, мы же договорились, вы подниметесь на второй этаж.

– Мать твою! – выругался Толик.

Степан толкнул напарника в бок и направился к лестнице. Гуров стоял метрах в десяти от площадки, и схватить сыщика не представлялось возможным.

Когда боевики скрылись за лестничным пролетом, Гуров выскочил на улицу, подбежал к «Волге», дернул за ручку. Как и следовало ожидать, двери заперты не были. Сыщик приподнял заднее сиденье, положил под него пистолеты, захлопнул дверцу, оглянулся, – вроде никто не видел.

Гуров ошибался, Александр Сергеевич Романов стоял неподалеку за сосной, якобы справляя малую нужду, и внимательно, иронически улыбаясь, наблюдал за происходящим.

Глава третья

Авторитеты расположились в номере Эдуарда Федоровича Губского, раритета уголовного мира. Хозяину недавно исполнилось восемьдесят, он был высок, худ и жилист, орлиным профилем походил на де Голля, но на этом сходство старейшины воров в законе с благородным французом и заканчивалось. Эдуард Федорович снял пиджак, облачился в изумрудного цвета халат с атласными лацканами, перехватил его витым поясом с кистями. Из широкого выреза высовывался воротничок белой рубашки, из которой торчала длинная жилистая шея, поддерживающая бритую голову с тяжелой выступающей челюстью, лохматыми, закрывающими глаза бровями и, как уже говорилось, орлиным носом. В общем, внешность Губского производила впечатление и не вызвала любви с первого взгляда. Возможно, в каждом человеке есть семена добра, тогда в Губском эти семена либо давно сгнили, либо природа и господь обошли грешника и, нарушая все законы, положенного при рождении ему не выделили. Другими Эдуард Федорович за свою грешную жизнь не обзавелся, и никто из знакомых и содельников не помнит, чтобы он бескорыстно совершил даже малое добро. Губский являлся главным авторитетом среди воров в законе старого, еще довоенного, розлива, уходящего своими корнями во времена нэпа, который Эдуард Федорович помнил отлично, так как именно в это золотое время отправился в свой первый этап. Так как ЭВМ в те благословенные годы не было, то судимости Губского подсчитать не представлялось возможным, на сегодняшний день картотека указывала смешную цифру – пять, которая у людей бывалых не вызвала даже улыбки. Губский провел в местах заключения больше полувека. Лагеря нашей необъятной Родины, которые он не посетил хотя бы проездом, чувствовали себя обездоленными и мучились комплексом неполноценности. Старых воров в законе оставались уже единицы, но и молодые хотя древних воровских заповедей типа «не имей семьи, не работай» и прочее не блюли, однако патриарха Губского чтили. И теперешние крутые парни приглашали его на свои разборки третьей стороной. Злые языки поговаривали, что авторитет Губского давно съела моль и воры верят в него не более, чем в святые мощи, однако сегодня великого старца пригласил лично Георгий Мельник. А уж более авторитетного, современного, умного и расчетливого человека трудно было представить.

Кац Анатолий Самойлович был отпрыском некогда известного семейства ювелиров и антикваров. Отца Анатолия Самойловича за любовь к камешкам и золоту отправили в ГУЛАГ, где он и погиб в неизвестном месте. Деда походя, без особой злобы расстреляли не то красные, не то белые – неизвестно, свидетельства женщин, которые в семье жили дольше, противоречивы. Прадед, известный в Европе ювелир, дожил аж до шестидесяти с хвостиком, дальше не получилось, его зарезали во время очередного на Руси еврейского погрома.

Анатолию Самойловичу дали русское имя, крестили в православной церкви, но с отчеством, фамилией, главное, с внешностью сердобольные женщины ничего поделать не могли. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы человек, абсолютно чуждый антисемитизма, если таковой на Руси остался, подумал об Ершалаиме, Голгофе и проклятых евреях, которые распяли «нашего» Христа.

На сегодняшний день Анатолию Самойловичу исполнилось пятьдесят пять, он выглядел на свои, ни прибавить, ни отнять, был росту среднего, не толст, за собой следил, одевался модно, добротню, но, хотя занимался камнями и золотом, украшений не носил. Глядя на него, можно было подумать, что перед вами благополучный еврей, который, естественно, где-то подворовывает, но живет тихой, размеренной жизнью, философски готовится к старости. Так вот, ничего подобного не было. За усредненной, спокойной внешностью в Анатолии Самойловиче жил человек бешеного темперамента, огромной работоспособности, незаурядного ума, великий ювелир, золотых дел мастер, финансист и банкир.

Думаете, всех перестреляли, пересадили, изничтожили? Должен огорчить, еще единицы сохранились, и Анатолий Самойлович Кац тому живое доказательство. Его связей как внутри державы, так и за ее пределами никто не знал, сделки не фиксировались ни в каких отчетах и бухгалтерских книгах, но Кац мог купить или продать камней и золота на миллионы. Оговоримся, что миллионы советских, деревянных. С валютой было сложно, по этой причине Кац и приехал, по той же причине и попадет в беду. Из присутствующих Кац являлся единственным реально богатым человеком. Его услугами не мог пренебречь ни современный бизнесмен Юдин, ни обиравший рэкет, проститутки и мелких валютчиков Гоги Мельник, ни патриарх воровского мира Губский.

Обед на высшем уровне проходил в тихой неофициальной обстановке. Каждый из присутствующих считал себя фигурой главной, относился к коллегам с пренебрежением, словно к обслуге, мол, жизнь такая, приходится терпеть. От спиртного воздерживались, разговор не клеился, начинать обсуждать дела ни один не хотел, каждый полагал, что его слово последнее. Гоги Мельник рассказал несколько анекдотов, финансист Юдин эти анекдоты знал, банкир Кац не любил пошлости, а патриарх Губский их просто не понял, взглянул неодобрительно, нахмурился. Он любил вкусно поесть и в напитках толк знал, но его положение обязывало относиться к разносолам и коньякам пренебрежительно, воровской закон призывал к простоте и строгости.

– Казну людскую профуфукиваете. – Губский слизнул с подагрических пальцев прозрачные черные икринки. – Кусок мяса, картофель да капусты квашеной, стакан самогона. – Он хрустнул крылышком цыпленка и замолчал.

Чушь собачья, хотел сказать Юдин, который отлично знал, что из воровского обшача давно уже не брали ни копейки, но воздержался. Борис Андреевич промолчал не из осторожности – от понимания бессмысленности возможных пререканий. «Крышу» над этой резиденцией поддерживал он, используя свои деловые связи среди номенклатурных товарищей, которые в качестве консультантов и советников получали мзду в некоторых предприятиях.

Гоги Мельник хотел сказать и имел что, но воздержался, так как два его человека недавно получили по «червонцу», сейчас толклись по этапам и должны днями прописаться в лагерях. Людей следовало обустроить, «подогреть», лучше Губского никто помочь не мог.

Кац промолчал, так как никогда патриарха не слушал.

Губский расценил молчание как признание вины и продолжал:

– Народ мельчает, а я старею, силы уже не те. – Натужно кривясь, он пригубил марочного коньяка. – Вот однажды, дай бог памяти...

– С памятью у тебя нормально, – не выдержал Гоги Мельник. – Проси у бога совести.

– Сопляк! – Губский скомкал крахмальную салфетку. – Когда я говорю, ты должен...

– Все верно, уважаемый Эдуард Федорович, – вмешался Юдин, – я с вами абсолютно согласен. – Он подмигнул Гоги, постучал пальцем по виску. – У нас маленькая накладочка, Гоги нервничает, так как у него должность нервная. Мы хотим у вас совета попросить, к вашей мудрости прибегнуть.

Кац хотя и не знал сути вопроса, но дипломатию Юдина оценил, поднял на него агатовый взгляд, кивнул.

– Борис, ты не прав. – Гоги выпил рюмку водки, дернул плечиком. – Зачем человеку мозги пудрить, я вопрос сам решу. – Он взглянул на часы. – Да уже и нет вопроса, ребята сняли его с повестки дня.

Гоги собственная шутка понравилась, он довольно хохотнул. Но Юдин укоризненно покачал головой, постучал ногтем по зубам, указал взглядом на Губского. Гоги понял, что Борис оценивает ситуацию более серьезно, и задумался. Мыслил он быстро, иначе бы не мог занимать свой пост.

Неожиданное появление сыщика Мельник воспринял как факт неприятный, но не более того. Собравшиеся здесь люди в законе, при паспортах, должностях, давно компетентным органам известны, но на сегодняшний день чисты, зацепиться властям не за что. Гоги даже позабыла мысль о том, как милицейский полкаш возвращается к начальству и говорит: мол, выгнали меня авторитеты, швырнули за порог, словно щенка. Что ни говори, а свобода и гласность имеют свои преимущества. Гоги решил о милиционере Губском и Кацу ничего не говорить, позже разобраться, где протекло, и залатать.

Но, серьезно задумавшись, Мельник удивился собственной глупости. Коли о происшедшем несколько человек знают, то обязательно, как круги по воде, расплывется слухок. Он будет обрастать липкими домыслами, прикатится к Губскому, проплывет в зонах. А патриарх на месте присутствовал и ничего не знал, и упадет холодное слово «продали». Мельник встретился взглядом с Юдиным, согласно кивнул, мол, договорились, излагай. Однако Борис Андреевич был умен, он перегнулся через стол, заменил у Губского тарелку, подложил севрюжки, наполнил рюмку.

– Ваше здоровье, Эдуард Федорович, долгие вам лета!

Губский благосклонно кивнул. Когда все выпили, Юдин продолжил:

– Георгий совета просит...

– Ну? – Губский шевельнул лохматой бровью.

Мельник своего неудовольствия не выказал, заговорил весело:

– Менты кругом, засилье просто, продыху нет. Мы сегодня приехали, а тут один проживает, я попросил съехать. Одобряете?

Кац брякнул ножом, взглянул на Юдина укоризненно. Анатолий Самойлович отлично понимал, что никто здесь просто так поселиться не может. Губскому это невдомек, ему польстило внимание, да и коньяк прибыл к месту назначения, разлился теплом, согрел ноги, голову захмелил.

– Не одобряю, – ответил патриарх беззлобно и хихикнул. – Чего цепного пса без нужды злить, пусть живет. Помню, в пятидесятых посетил я Сочи, так в соседнем номере большой чин проживал. У него белявенькая девчонка была, из наших, марафет втыкала... Так к чему это я? – Он оглядел закуски, пошевеливая над ними длинными узловатыми пальцами. – Эх, капустки бы квашеной... Да, так с тем вертухаем я вечером в картишки перебрасывался. Он мне красиво пел, какая у него жизнь сложная, рискованная. Так что не следует товарищей без нужды злить, силу свою выказывать.

Мельник, Юдин и Кац переглянулись, как это делают взрослые, слушая поучения ребенка.

– Верно, дурак, он и есть дурак, его только могила исправит, – зло сказал Гоги.

– Молодой, – решив, что Гоги занимается самокритикой, Губский растянул бледные губы в улыбке. – Ништяк, толкач муку покажет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.